

А.Г. Еманов
Тюменский университет

Возникновение города в Европе и за пределами Европы. Опыт компаративного анализа концепций урбанизации

Первый шаг, который необходимо сделать, прежде чем приступить к сравнительному анализу урбанистических концепций, — это уяснение смысла самого понятия «город», его коренной сути, критериев, позволяющих осознанно констатировать, что с такого-то момента поселение городского вида стало городом.

Этот вопрос оказывается далеко не столь простым. Существуют десятки, если не сотни определений «города». По мнению первых теоретиков урбанизма, О. Тьерри¹ и Ф. Гизо², городом являлся центр неаграрного производства, отличающийся неземледельческим характером жизни.

К. Эйхгорн³, В. Арнольд⁴, К. Нич⁵ и др. акцентировали внимание на том, что город выделялся высокой численностью и плотностью населения, узкой и разнообразной специализацией его хозяйственных занятий, главным образом ремесленных и торговых.

На этой эмпирической основе возникло и Марксово определение города как центра ремесла и торговли, как результата второго великого разделения труда — отделения ремесла от земледелия, надолго ставшего аксиоматичным в постреволюционной русской историографии⁶.

Впрочем, и для значительной части западной историографии город представлялся ассоциацией неземледельческого населения, сконцентрированного на одной, строго определенной и отграниченной территории. Достаточно вспомнить высказывания таких мэтров урбанистики XX в., как А. Сапори⁷ и Э. Сестан⁸.

Александр Георгиевич Еманов, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. Сфера научных интересов — медиевистика, византиноведение, медиевистическая урбанистика, вспомогательные исторические дисциплины, электронное источниковедение. E-mail: a_emanov@mail.ru

¹ Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века / пер. с фр. СПб., 1901.

² Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1891.

³ Eichhorn K.F. Über die Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. В., 1815–1816. Bd. 1–2.

⁴ Arnold W. Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte. В., 1854.

⁵ Nitsch K. Ministerialität und Bürgertum im 11. und 12. Jh. В., 1859.

⁶ Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы: в 2-х ч. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931; Поршнев Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М.: Соцэкгиз, 1954; Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л.: АН СССР, 1960; Столицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М.: АН СССР, 1960; Каждый А.П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М.: АН СССР, 1960; Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов: СГУ, 1969.

⁷ Sapori A. Studi di storia economica. Firenze: G. Sansoni, 1967. Vol. 1–3.

⁸ Sestan E. La città medievale. Padova, 1954.

Но уязвимость этого понимания обнаруживается при взгляде на абсолютное большинство городов, лежавших за пределами высокоурбанизированных областей Центральной и Северной Италии, на основе изучения которых были сформированы первые теоретические постулаты о городе: для большинства городских поселений отделенность от аграрного окружения оказалась явно преувеличенной; в городском пейзаже в большинстве случаев были привычны виды садов, огородов, стойл для скота и даже лугов; горожане в основной массе совмещали ремесленные и торговые занятия с садоводством и огородничеством, с разведением скота; названия многих улиц первых городов явно обнаруживали земледельческое происхождение и сохраняющиеся земледельческие и скотоводческие занятия их обитателей — Садовая, Конюшенная, Сенная, Луговая, Полевая, Волосья, Свинная и т.п.; свиньи, к примеру, в Средние века были привычны для улиц даже столичных городов, как, скажем, Париж или Лондон, не говоря о провинциальных. И этот образ, кстати, не чужд сибирскому городу, даже современному.

Впоследствии вообще акцент в понимании урбанизации сместился на установлении особого симбиоза города и деревни⁹; особого урбанизированно-аграрного дуализма, в котором городу принадлежало ведущее начало, но деревне отводилась роль живительной и питательной среды; город не только получал ежедневно средства к существованию в виде регулярных продовольственных поставок либо в форме натуральных повинностей и продовольственной ренты, когда город утверждался в качестве коллективного феодала, либо в форме товарно-денежного обмена.

Начиная с Античности город обязательно включал в свою структуру сельскохозяйственный пригород: в частности, *πόλις* состоял из *ακροπόλις*, его центральной, укрепленной части, верхнего города, где были сосредоточены властные учреждения, казна, храмы, *πρωαστιον*, нижнего города, где находились места торговой и ремесленной активности, и *χωρα*, земледельческой округи.

Точно так же и в Средние века город имел тройственную структуру: *civitas* состоял из *urbs*, верхнего города, где находились площадь народных собраний, ратуша, собор, *suburbium*, нижнего города, где было средоточие экономической деятельности ремесленников и купцов, и *territorium*, сельские предместья и пригороды, снабжавшие город продовольствием.

Кроме того, город пополнялся и получал импульсы роста только благодаря сельской местности, благодаря непрерывной миграции селян. Известно, что в городе совершенно иной тип демографического поведения, там преобладали малодетные семьи; в силу только естественного прироста город был не в состоянии развиваться, он рос и увеличивался не благодаря рождаемости, а благодаря непрерывной миграции извне, и чем населеннее окружающая периферия, чем она шире, тем быстрее развивался город в количественном отношении. А если город не располагал достаточно обширной сельской периферией, то он был обречен на застойное, периферийное существование, а то и на вымирание вследствие эпидемий и других стихийных бедствий.

Разумеется, полное понимание сути города без осмысления его взаимоотношений с окружающей периферией невозможно. Однако едва ли эта периферия могла иметь только земледельческий характер, как, скажем, в степных, пустынных и полупустынных регионах Евразии, Африки и Южной Америки.

Г. Маурер¹⁰, О. Гирке¹¹ и др. воспринимали город как средоточие социальной свободы и равенства, опять же противопоставляя его как тип поселения деревне с ее неизбежной дифференциацией хозяев и работников. Здесь вспоминалась общая для

⁹ Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город XI–XIV вв.: по материалам Средней и Северной Италии. М.: АН СССР, 1947; Vercauteren F. Die Spätantike civitas im frühen Mittelalter // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1971. Bd. 1.

¹⁰ Maurer G.L., von. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Erlangen, 1869–1873. Bd. 1–4.

¹¹ Gierke O., von. Das Deutsche Genossenschaftsrecht. B., 1868. Bd. 1.

европейских городов норма: «Городской воздух делает свободным», согласно которой каждый человек, проживший в городе один год и один день, становился свободным, даже если он прежде был зависимым или рабом.

Но и это представление оказалось чересчур идеальным, совместившим абстрактные характеристики античного полиса с его демократией, средневековой коммуны с присущим ей республиканским устройством и идеалы буржуазного урбанизма, придав им кажущуюся основательность в опыте прошлого¹².

В действительности именно город начинает свое существование с градации бедности и богатства, именно в городе появляется такое явление, как нищенство, незнакомое сельскому миру; города, в особенности крупные и столичные, становятся центром притяжения нищих, где им легче выжить и как-то существовать; как раз в городах образуется не свойственная сельской социальности маргинальная среда, паразитирующая на страхах и суевериях, низких инстинктах простолюдинов, склонная к мошенничеству и криминалу. И эти социальные реалии подлинной урбанизации с меньшей силой обнаруживаются в судьбах сибирских городов, начиная с самого их основания.

Г. фон Белов¹³, С. Ричел¹⁴ и др. трактовали город как зону действия особого права, разрабатываемого и принимаемого всем городским сообществом; подобное понимание требовало признания как минимум факта существования письменности, письменной культуры и образованности, опять же отличающих городское поселение от сельского.

Однако и это заключение оказалось излишне модернистским, отразившим понимание городского статуса конца Средневековья и начала Нового времени. Известны весьма значительные и влиятельные города, как, к примеру, Константинополь, которые так и не выработали своего городского права; равно как известно образование множества городов до складывания развитой письменности и законодательной кодификации, таковы первые города древневосточных цивилизаций — Мемфис, Фивы, Ур, Урук, Мохенджо-Даро, Хараппа и др., где первые кодификации появляются спустя тысячелетия после основания города.

То же самое можно сказать и о сибирских городах прошлого, знавших либо обычное право, не фиксировавшееся ни в каких кодексах, либо общегосударственное, или, лучше сказать, общеперское законодательство.

Существует топографическое определение города¹⁵, согласно которому городом является поселение с правильной, регулярной планировкой, выделением центральной площади, каменной застройкой, домами, превышающими один этаж, мощеными улицами; для Средневековья эмблематическим символом города становятся крепостные стены, отделяющие его от окружающей земледельческой территории.

При всей ценности историко-топографического изучения урбанизационных процессов приходится возразить словами средневекового интеллектуала Исидора Севильского, что «города — это не камни, а люди», и главным в понимании города оказывается не столько его особая архитектоника, не похожая на правила строительства в сельской местности, сколько специфическое сознание его жителей, особая социальная психология горожан, иной ментальный социум, заполняющий городское пространство; неотъемлемыми атрибутами последнего оказываются и привычка к «скученной» жизни, когда горожане живут в переполненных домах, снимая комнаты и спальные места, когда ежедневно сталкиваются локоть к локтю в толпе на рынке, торговых площадях, храмах и просто на центральных улицах, и стремительный перепад эмоциональных состояний от страхов перед завтрашним днем до эйфории успеха и последующего краха, и постоянные психические перегрузки, и жесткая конку-

¹² Clark P., Reed D. Reading in Urban History. L., 1990.

¹³ Белов Г., фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912.

¹⁴ Rietschel S. Markt und Stadt im ihrem rechtlichen Verhältnis // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1975. Bd. 2.

¹⁵ Tomlinson R. Urban Structure: The social and spatial Character of Cities. N.Y., 1969.

рения, и стрессы, и отсутствие поддержки родственников, и изменчивость друзей, и т.п.; город усилил осознание отдельного существования, индивидуальности и одновременно выработал новые принципы солидарности, компенсировавшие ослабление родовой связанности, присущей окружающему негородскому миру.

К тому же образ каменного города оказался чужд немалой части человечества — славянству, некоторым народам Востока, кочевникам и, конечно же, населению Севера прошлых эпох.

Еще оригинальным видением города как особого рода ландшафта¹⁶, в котором сочетаются естественные и искусственные географические преимущества, возвышающие город над окружающей природной средой. Город, согласно этой концепции, всегда возводился на возвышении, что обеспечивало ему доминирование в окружающем мире.

Действительно, можно обнаружить, что многие древние народы начинали строить города на горе, обрывистой скале, холме, возвышенности, высоком берегу реки; отсюда и обозначения древних и вообще исторических городов: *акрополис* — верхний город, *urbs, burg* — также верхний город; порой даже термины «город» обнаруживают этимологическую связь со словом «гора». Действительно, и на Востоке нередко делалось искусственное возвышение для разбивки будущего города.

И все же подобный подход нельзя признать универсальным, поскольку кочевники, к примеру, руководствовались иными принципами при выборе места для устройства города; некоторые народы, сакрализовавшие горы, считали недопустимым осквернением горного божества устройство обычного поселения на них с неизбежными отходами, фекалиями и другими профанациями.

В. Зомбарт¹⁷ усилил экономическое понятие города, впервые выделив его различные социально-экономические типы: «город потребляющий» (это относилось прежде всего к столицам) и «город производящий», «город ремесленный» и «город торговый».

Десятилетия спустя началась разработка всевозможных типологий городского развития; стали выделяться города по экономическим критериям — промышленные, промысловые, горнозаводские, аграрные, торговые, морские и т.п.; по социальным показателям — банкирские, купеческие, ремесленные, «богатые», «бедные» и т.д.; по демографическим признакам — большие, средние, малые, «карликовые»; по культурному статусу — университетские, епископские и др.; стали различаться региональные и локальные типы городов, древние, средневековые, новоевропейские и современные города¹⁸. Дань этой общей моде отдали и отечественные историки¹⁹.

Конечно, конструктивный разговор о городе возможен только в контексте четко обозначенного пространства и времени, но при бесконечной диверсификации локальных и временных инвариантов урбанистического существования способно исчезнуть то главное, что отличает город от любого негородского поселения.

¹⁶ Denecke D. Der geographische Stadtbegriff und die raumlich-funktionale Betrachtungsweise bei Siedlungstypen mit zentraler Bedeutung in Anwendung auf historische Siedlungsepochen // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1974. Bd. 1.

¹⁷ Sombart W. Der Begriff der Stadt // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B., 1907. Bd. 25; *Idem*. Der moderne Kapitalismus: Historisch-systematische Darstellung von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. München; Leipzig, 1922.

¹⁸ Haase C. Stadtbegriff und Stadtentstehung in Westfalen: Überlegungen zu einer Karte der Stadtentstehungsschichten // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1972. Bd. 1.

¹⁹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия IV—VI в.). Л.: ЛГУ, 1966; *Он же*. Основные проблемы внутреннего развития византийского города. Л.: ЛГУ, 1971; Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // Византийский временник. М., 1967. Вып. 27; Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. М.: Наука, 1967; 2-е изд. М.: Наука, 1980; Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв.: по материалам Средней и Северной Италии. М.: АН СССР, 1947; *Она же*. Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М.: Наука, 1987; Рутенбург В.И. Итальянский город: от раннего Средневековья до Возрождения. Л.: Наука, 1987.

М. Вебер²⁰ впервые предложил учитывать в дефиниции города, прежде всего средневекового, ряд признаков: укрепление, рынок, суд, городскую общину с присущими ей традициями автономии и автокефалии, т.е. самоуправления в политической и религиозной сферах. Этот подход в дальнейшем стал доминирующим, определив как необходимость многофункционального определения города, так и признание в качестве основных признаков города самоуправление и суверенность.

Несомненно, ценным выступает в концепции Вебера установление внутренней взаимосвязи между политическими, социальными и экономическими структурами городского развития, открытие самого факта урбанистической динамики: от городской общины, подавленной как внутренними ограничениями и регламентами цеховой организации, так и внешним авторитетом сеньориальной власти, до свободной самоуправляющейся коммуны.

Но в то же время веберовское понимание города оказывается слишком ригористичным: подобного названия заслуживают лишь несколько сотен самоуправляющихся коммун Италии и Франции, да и то лишь в XIII–XV вв., прочие же поселения, даже отличающиеся многочисленным населением, развитыми ремеслами и торговлей, но не имеющие городской автономии, оказываются недостойными называться городами. И уж вовсе неизвестными с городским развитием оказывались народы Востока и Севера.

К. Хаазе²¹, продолжая поиски Вебера, предложил комбинированное понятие города, которое включает наличие большого замкнутого поселения, существовавшего за счет несельскохозяйственного производства, осуществление регулярного рыночного обмена, присутствие крупных потребителей — властной и интеллектуальной элит, чиновничества; город, наконец, виделся как союз, регулирующий свою экономику, обеспечивающий свою безопасность путем устройства фортификации и формирования военного гарнизона.

Увы! Большая часть отмеченных немецким историком признаков города не является очевидной. Скажем, производственную сущность не проявляли такие крупные города, как Рим и Константинополь, являвшиеся административно-управленческими и культурно-религиозными центрами. Едва ли возможно отыскать такие признаки в характеристике городов Востока и Севера. Точно так же и фортификация не является нормативным качеством средневекового города. К примеру, Венеция, в городском статусе которой вряд ли кто усомнится, не имела никаких крепостных стен. И уж вовсе не строили крепостных стен и башен кочевники, создавая свои города, ибо считали их признаком малодушия и трусости.

Ф. Рериг²² из наметившегося множества признаков города выделил по рейтинговой значимости три главных: относительно большое число жителей, создание большой массы прибавочного продукта, способного опосредовать рыночный обмен, и наличие значительного слоя потребителей.

Но численность населения города оказалась самым неопределенным признаком. Те законодательные нормы, которые сложились применительно к городскому статусу, оказались и очень подвижными, и весьма поздними. В то же время в Северной Европе, Англии, Ирландии и даже в Западной Европе, горной части Испании и Швейцарии сложилось бесчисленное множество малых городов с численностью населения менее 1 тыс. человек, в пределах всего лишь одной-двух сотен жителей²³.

Во второй половине XX в. в урбанистике получила всестороннее обсуждение проблема «малого города»²⁴, как основной, наиболее распространенной формы го-

²⁰ Weber M. Die Stadt: Begriffe und Kategorien // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. В., 1921. Bd. 47.

²¹ Haase C. Op. cit.

²² Rösig F. Die Stadt in der deutschen Geschichte // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1972. Bd. 1.

²³ Stob H. Forschungen zum Stadtwesen in Europa. Köln, 1970.

²⁴ Ястребицкая А.Л. Европейский город: средние века — раннее Новое время: введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН, 1993.

родского развития, в особенности в Средние века; крупных городов в действительности было немного, единицы, малых же городов было в тысячи раз больше; основная масса горожан в средневековую эпоху проживала отнюдь не в больших городах, а в малых.

«Малый город» оказывался центром локальной экономики самого различного характера — аграрной, скотоводческой, промысловой. «Малый город» определял структурные хозяйственные взаимосвязи в пределах какого-то определенного, обладавшего культурно-исторической целостностью района, области, региона; он выступал носителем локального обмена, но одновременно оказывался очень важным звеном межлокальной коммуникации. Подобные контраргументы в особенности важны при изучении городского развития Севера с его обычной малочисленностью населения.

Отчетливее всего намеченная Вебером тенденция многофункциональной интерпретации города выражена в трудах наиболее влиятельного представителя современной урбанистики — Э. Эннен²⁵. Согласно ее определению, город является сосредоточием военных, политико-административных, правовых, фискально-экономических, социальных и культово-культурных функций; т.е. в городе была сосредоточена власть над окружающей периферией, обладавшая принудительной силой в лице войска, вооруженных отрядов; в городе находился суд, также способный применить силовые санкции в виде взятия под стражу, заключения; там же действовали налоговые инстанции, институты социальной стратификации, соответствовавшие той или иной сумме прав и привилегий, центры образования, досуга и отправления религиозного культа.

В дальнейшем среди нормативных признаков города стали называть обособление не только управленческой, но и интеллектуальной деятельности, наличие светской системы универсального и профессионального образования, венчающейся городским университетом, создание системы открытой коммуникации, средств массовой информации, формирование самостоятельных институтов социальной памяти, первоначально — в виде городской хронистики, архивов, библиотек и т.п., позднее — в виде метрик, фиксации актов гражданского состояния — рождений, бракосочетаний, смерти, списков почетных и иных категорий граждан; выделялись также в качестве обязательных признаков города действие коммунальной службы, поддерживающей чистоту и порядок, образование городской милиции, т.е. вооруженных отрядов горожан, поочередно несущих службу по охране общественного спокойствия, и т.д.

Подобное «суммирование» критериев города стало считаться универсальным, превзошедшим прежние, неизбежно односторонние попытки толкования сути урбанизации. Несомненно, многофакторные теории перспективнее монофакторных, однако за мультиплицированием отдельных качеств городской жизни, пусть и весьма значимых, распадается целостное представление о городе, как происходит утрата образа в разбитой мозаике. К тому же последовательное выделение одного за другим множества качеств бесспорно городского статуса способно привести к «регрессу бесконечности», когда определение одного признака неизбежно влечет за собой необходимость определения другого, и тогда сущность понятия «город» окажется ускользающей.

Понимание этой познавательной трудности породило определенное критическое состояние в современной урбанистике²⁶. Стали раздаваться голоса о невозможности дефиниции категории «город»²⁷. Интеллектуальный пессимизм выразился даже в отказе от любых теоретических конструктов, претендующих на полное, исчерпывающее определение города.

²⁵ Ennen E. Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1976; *Idem*. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953.

²⁶ Haynes B., Clark P. Studies in international urban History. P., 1991.

²⁷ Mumford L. The City in History. Its Origins, its Transformations and its Prospects. L.: Penguin Books, 1966.

Немецкий исследователь Э. Кейзер²⁸ предложил в качестве выхода считать и называть городами только те поселения, которые именовались «городами» в средневековых официальных источниках, т.е. самоопределялись в соответствующей урбанистической терминологии как *urbs, civitas, polis, burg* и т.п. Продуктивность этой идеи несомненна. Вместе с тем необходимо обратить внимание как на неустойчивость и изменчивость средневековой терминологии, так и на ее многосмысленность.

Есть вообще тенденция объединять понятия «город» и «государство», «город» и «цивилизация»²⁹, исходя из этимологии самых ранних европейских терминов для их обозначения: πόλις и *civitas*, одновременно обозначающих и огороженное место, город, городское пространство, и государство, сообщество граждан, правовое общество; такое отождествление усилили и установленные востоковедами данные об обозначении города и государства в древнеегипетской и шумерской терминологии, соответственно «фи» и «ур», значившие одновременно и городское пространство с правильной планировкой и окруженное стенами, и государство с присущими ему властными и принудительными инстанциями.

Таким образом, в мировой урбанистике сложились самые различные подходы в понимании сущности города: от предельно отграниченных, требующих фокусировать внимание на одном доминирующем признаке отдельно взятого типа городского поселения определенного региона и периода времени, до предельно расширительных, постулирующих существование универсального города, города вообще, вне времени и пространства.

Главной трудностью всех обозначенных дифиниций «города» является редуцирование его существования к одной-единственной, по сути, европоцентристской модели: город является результатом прогрессивной эволюции земледельческой экономики, он возникает вследствие обособления ремесленной деятельности и потребностей обмена между различными сферами хозяйствования; собственно, он исторически конституируется как поселение земледельцев и землевладельцев, возвышается как центр, регулирующий земледельческое производство и распределение; таковы первые города, как Иерихон, Ур в Месопотамии, Мемфис в Египте, действительно отмечавшие одновременное возникновение государства и цивилизации; интересы землевладельцев представляли древнегреческий полис и древнеримская *civitas*.

Однако подобное видение проблемы отказывает в урбанистическом развитии большей части народов земного шара, в особенности кочевникам, населявшим едва ли не $\frac{4}{5}$ пространств Евразии, Африки и Америки. Между тем даже самый беглый взгляд на исторические судьбы кочевников убеждает в том, что им были известны развитые урбанистические традиции, стоит лишь вспомнить сарматскую Ольвию, скифский Пантикапей, существовавшие с древности арабские города Мекку и Медину, тюркские Самарканд и Хорезм, татарские Каракорум и Сарай и многие другие. И уж тем более подобное видение проблемы исключает из сферы урбанизированности и цивилизованности народы Севера, не знавшие даже зачатков земледелия.

Еще более жестко звучит требование выделять «город в строгом смысле слова» как обладающий непременно автономией, самоуправлением и суверенитетом, что отчетливо ощутимо по работам М. Вебера³⁰. В таком толковании называться городами, по существу, могли лишь коммуны Северной Италии и Фландрии, остальная же масса урбанизированного мира даже Европы должна была считаться словно бы остановившейся на полпути к городу.

Что же касается бескрайнего Востока, то он как будто бы оказывался недоросшим до городского развития, несмотря на существование почти миллионных городов Индии и Китая с мощным ремесленным производством, с гигантским размахом

²⁸ Keyser E. *Der Stadtgrundriss als Geschichtsquelle // Die Stadt des Mittelalters*. Darmstadt, 1972. Bd. 1.

²⁹ Sjöberg G. *The preindustrial city*. New York, 1965; Hall P. *Cities in Civilisation*. L.: Phoenix, 1999.

³⁰ Weber M. *Die Stadt: Begriffe und Kategorien // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. B., 1921. Bd. 47.

торгового обмена, стоит лишь вспомнить индийский Куилон или китайский Ханчжоу. Ну а о Севере в такой логике и вовсе говорить не приходится.

Не претендуя дать полное исчерпывающее определение города, не противоречащее самым различным формам городского развития, попытаемся выделить то сущностное его содержание, которое было бы приемлемо и для характеристики весьма специфических феноменов неевропейского города.

Город, таким образом, оказывается более или менее стабильным поселением, занимающим высшее место в иерархии других поселений определенной территориальной общности; он занимает центральное положение по отношению к прочим поселениям, ко всей окружающей его земле; город выступает средоточием упорядочивающей и распорядительной власти в пределах контролируемой им территории.

То есть город, в отличие от прочих форм и типов стабильных поселений, оказывается с самого начала своего существования политическим центром, призванным регулировать отношения между различными этнорелигиозными и социальными группами окружающей периферии, оказывается особым рода союзом с местным населением подвластной ему области; в подобном союзе город признается обязанным защищать все это население от любой третьей политической силы, а жители подчиненной ему земли обязываются совершением определенных служб и платежей (необязательно в денежной форме) за оказываемое военное, административное и правовое покровительство. Центральный статус города мог усиливаться не только его политической, административной и правовой функцией, но и его военной, оборонительной, торгово-меновой, ремесленно-хозяйственной и культурной ролью.

Итак, среди признаков европейского города наиболее существенными оказываются: связь с земледелием; политическая автономия; саморегуляция экономики; правовая и судебная самостоятельность; свобода и равноправие граждан; военная самоорганизация; рыночные отношения; денежное хозяйство; ремесленное производство; коммунальная служба; каменная архитектура; письменная культура.

Однако урбанистика XX в. вышла далеко за пределы европейского опыта. Сегодня существуют ничуть не менее представительные восточная, африканская и американская урбанистические исследовательские традиции.

Города зародились именно на Востоке еще в эпоху дописьменной истории. Согласно современным данным востоковедов³¹, «первая урбанистическая революция» свершилась еще в VII тыс. до н.э. одновременно с переходом к земледельческому хозяйству; одним из самых первых городов Земли признается Иерихон. В IV тыс. до н.э. произошла «вторая урбанистическая революция», когда возникли десятки и сотни городов в нижнем течении Нила, в Междуречье Тигра и Евфрата, в долине реки Инд и в долине реки Хуанхэ одновременно с образованием первых цивилизаций — древнеегипетской, месопотамской, древнеиндийской и древнекитайской.

По экономическим параметрам традиционные города Востока и отдаленной древности и Средневековья ничем не отличались от сельских поселений; даже архитектурно они были весьма похожи — восточные деревни также нередко имели каменную архитектуру, мощные улицы, канализационные стоки и порой крепостные укрепления³². Экономические и военно-стратегические критерии города, выработанные европейской урбанистикой, в приложении к восточной действительности утрачивают всякий смысл. Это обстоятельство даже ввело в заблуждение европейских урбанистов начала XX в.³³, склонных заключать об однотипности города и деревни

³¹ Mumford L. Op. cit.

³² Пигулевская Н.И. Города Ирана в раннем Средневековье. М.; Л.: АН СССР, 1956; Чилашвили А.А. Города феодальной Грузии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967; Кокаш И.Р. Города Сирии в X–XI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

³³ Sombart W. Der moderne Kapitalismus: Historisch-systematische Darstellung von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. München; Leipzig, 1922; Weber M. Die Stadt: Begriffe und Kategorien // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. B., 1921. Bd. 47.

на Востоке и даже об отсутствии самостоятельного городского устройства в восточных странах.

В действительности же восточные города отличались от окружающей периферии не столько автономией, самоуправлением или торгово-ремесленной ролью — все это было присуще уже простым формам социальности — сельской общине, — и даже не численностью и плотностью населения, но весомостью и значимостью централизованных функций.

В древности это были храмовые города, города-государства, царские города, доминировавшие над окружающими землями, выступавшие коллективными собственниками земли, регулировавшие ирригационные работы, строительство каналов и дамб, контролировавшие трудоемкий земледельческий процесс и т.п.³⁴ В Средние века это — центры районов, областей и провинций, обозначавшиеся терминами «шахр», «мадина», в отличие от прочих поселений — «кариа» и «балад»³⁵; в них находились резиденции правителей соответствующих территорий, казна, войска, суд, тюрьмы, чиновничество, храмы, чего не было в сельских поселениях.

Восточный город, по крайней мере, Ближнего Востока, таким образом, и в древности, и в Средние века выступал центром, где концентрировался и перераспределялся прибавочный продукт, созданный на определенной, подвластной только ему территории; эта концентрация осуществлялась в виде сбора ренты, налогов, пошлин или дани, а перераспределение производилось в форме обмена, торговли, выплат жалованья солдатам, судьям, чиновникам и т.д. Благодаря этой централизаторской роли в движении и трансформации прибавочного продукта целых районов, областей и провинций город получал возможность вести строительство более масштабное, нежели в сельской местности, осуществлять благоустройство улиц и площадей, обеспечивать в целом более высокие жизненные стандарты, нежели в сельских поселениях.

Исследования по истории более отдаленных восточных типов урбанизма вполне согласуются с только что сформулированным определением.

Индийский город древности и раннего Средневековья еще более явно противоречил примату экономического критерия; он не мог быть центром ремесла и торговли уже потому, что древнеиндийскими шастрами в нем запрещалось не только проживать, но и находиться купцам и ремесленникам³⁶; требования ритуальной чистоты не позволяли представителям низких варн переходить границы города и заставляли их останавливаться у городских ворот. Но в то же время эти города обладали большой численностью и высокой плотностью населения, в десятки раз превышавших масштаб европейских городов; выделялись каменной архитектурой, многоэтажными домами, великолепно отлаженной канализацией, системой водоснабжения и в целом благоустройством и процветанием. Город Древней Индии был средоточием военно-политической и сакральной власти.

Только в дальнейшем, под воздействием исламизации, в Индию был осуществлен транзит ближневосточных урбанистических форм, и город сделался центром концентрации производительного населения, ремесла и торговли. Но и в этом случае более существенным признаком оказывается централизаторская и иерархизаторская роль города: сложилась бесчисленная сеть мелких городков (касаба), объединивших небольшие территории; над ними возвышались средние города (саркар), выступавшие центрами областей, и над этими последними высились крупные города (суб), являвшиеся столицами провинций³⁷.

³⁴ Фихман И.Ф. Оксиринх — город папирусов. М.: Наука, 1976.

³⁵ Беленицкий А.М., Бентавич И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973; Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М.: Наука, 1984; Михайлова И.Б. Средневековый Багдад: некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X—XIII в. М.: Наука, 1990.

³⁶ Ильин Г.Ф. Древнеиндийский город Таксила. М.: АН СССР, 1958.

³⁷ Ашрафян К.З. Средневековый город Индии XIII — середины XVIII в. М.: Наука, 1983.

Китайский город отличался, кажется, по всем признакам от западного, начиная с внешнего вида: в нем не практиковалась каменная архитектура, не было каменных крепостных стен и башен; лишь северные пограничные города укреплялись глинобитными заслонами; вместе с тем все городское пространство делилось на множество кварталов, отделявшихся один от другого стенами, и передвижение строго ограничивалось по времени.

Город в Китае находился на государственной земле, получал городской ранг по императорскому пожалованию и обладал военно-политическими, административными, экономическими и культурными функциями. В китайском урбанизме также можно заметить иерархизацию городских поселений: самую низшую ступень занимали периферийные городки (ло), чуть выше стояли города — центры округов (чэн), над ними возвышались большие города — административные центры областей и провинций (да чэн) и венчали урбанистическую пирамиду столицы царств и империи (ду, нэй)³⁸.

Японский город древности и Средневековья также был центром концентрации и перераспределения прибавочного продукта, что осуществлялось посредством силового давления на местное население со стороны вождества. Поэтому города (мати) там с самого начала носили политический характер, имели замковые и крепостные укрепления; исследователи, описывая действительность Японии эпохи Средневековья, не случайно порой оперируют категорией «замковые города»³⁹. Неудивительно, что средневековые японские города выступали центрами территориальной суверенизации.

Однако рассматривавшийся до сих пор опыт восточной урбанистики касался исключительно аграрных цивилизаций, в силу чего он малопригоден для сопоставительного анализа северного урбанизма.

В то же время значимыми для решения наших задач моментами здесь являются отход от жесткой экономической детерминированности понимания сути города, выдвигание в качестве смысловой доминанты характеристики города как центра концентрации и перераспределения прибавочного продукта с подчиненной ему территории, а также формулирование принципа иерархизации городских поселений, включавших «городки», «замковые города» и «столицы суверенных территорий».

Более ценным для целей нашего исследования оказывается оригинальный опыт того направления восточной урбанистики, которое обращено к истории кочевнической цивилизации, в частности, тюрков, арабов, монголов и некоторых других кочевых народов.

Многочисленные исследования тюркологов и арабистов⁴⁰ показали формирование у кочевников достаточно развитой урбанизации. Речь здесь шла не столько о шатровых ставках вождей, которые порой описывались как своеобразные «города с войлочными стенами», способные перемещаться в пространстве вместе с кочевьем, сколько о стабильных поселениях с четкой, очень часто концентрической, планировкой, явно выделенным центром в виде дворца правителя и храмового комплекса, с базарными площадями, с развитыми предместьями торговцев и ремесленников.

В отличие от европейских, да и, пожалуй, традиционных восточных городов, они не имели мощных фортификационных укреплений, что, между прочим, долго было труднопреодолимой сложностью в открытии городов кочевников, даже прославленных столиц. Эти города находились под защитой многотысячной гвардии и

³⁸ Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979.

³⁹ Искендеров А.А. Феодалный город Японии. М.: Вост. лит., 1961.

⁴⁰ Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства Древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Древнемонгольские города. М., 1965; Кумеков Б.Е. Города кимаков // Вестник АН КССР. Алма-Ата, 1969. № 1; Чимитдоржиев Ш.Б. Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1995; Fedorov-Davydov G. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley: ZP, 2001.

постоянного конного войска, располагавшегося прямо в поле в традиционных шатрах вокруг городской черты.

Другим серьезным отличием был иноэтничный состав торгово-ремесленного населения, очень часто формировавшегося из числа насильственно приведенных пленников и в силу этого не обладавших полной свободой и полноправием.

Еще одним немаловажным отличием кочевнической урбанизации была сезонная миграция большей части населения города вслед за перемещавшимся конным войском с зимних кочевий на летние и обратно. Это обстоятельство обусловило существование городов-двойников на Севере и Юге с одним и тем же названием, к которым лишь добавлялось определение «старый» или «новый»; таковы «Старый Сарай» и «Новый Сарай» в нижнем и среднем течении Волги, возможно, такой же смысл имеют названия «Старая и Новая Сибирь» и др.⁴¹

Но, несмотря на эту специфику, города кочевников выступали центрами военно-политической и административной власти; там находилась резиденция территориального правителя; именно там решались важнейшие вопросы регулирования кочевий в степи, распределения пастбищ между племенами и родами, права собственности, распоряжения и пользования источниками питьевой воды, водопоев и пр.; там разбирались споры, вершился суд; там находился чиновничье-бюрократический аппарат, ведавший учетом населения, различных служб, повинностей, сбором налогов и пошлин; там находилась канцелярия, образовательные и религиозные учреждения.

Некоторые из городов тюрков выделялись великолепной монументальной архитектурой, дворцами, храмами, школами, астрономическими обсерваториями и т.п. Таковы монгольская столица прославленный Каракорум, столица Золотой Орды уже упоминавшийся Сарай, столица Крымского ханства Солхат, или более поздний Бахчисарай, и многие другие.

Показателем развитости городского сознания кочевых народов была и своя собственная, а отнюдь не заимствованная из других, более древних культур урбанистическая терминология. У тюрков, к примеру, город как военно-политический центр, осуществлявший властные полномочия в регулировании сезонных кочевий, назывался «балык»; горожане, причастные к этим регулятивным функциям, а отнюдь не бесправные ремесленники и торговцы, назывались «балыкдаки». Город же в традиционном для европейской и древних восточных культур смысле, т.е. как центр земледельческой области, именовался «кенд». Тюркский термин «сарай», приобретший в русской огласовке трагический смысл, обозначал дворец, причем монументальный, а не сборно-разборный шатер.

Близкий смысл имели города кочевников Южной Америки, к примеру, мешиков, теночков, более поздних ацтеков. Они выступали центрами регулирования кочевого хозяйства, требующего огромных площадей, центрами военно-политического и социально-экономического доминирования над завоеванным местным населением, очень часто более развитым, занимавшимся высокопродуктивным земледелием и обращенным в полусвободное и несвободное состояние. Легендарный Мешико-Теночтитлан был городом бюрократии, чиновничества, знати; располагаясь на искусственных островах большого озера, этот город не знал фортификационных укреплений; дома представляли собой легкие каркасные конструкции, вход в которые не закрывался привычными дверями, а завешивался занавесью.

То есть главной особенностью кочевого урбанизма была регуляция сложного кочевого хозяйства, связанного с последовательным занятием и сменой обширных про-

⁴¹ Егоров В.Л. Золотоордынский город: причины возникновения, историческая география, домостроительство: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1973; Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Города Поволжья в Средние века. М.: Наука, 1974; Зиливинская Э.Д. Монументальное строительство в городах Золотой Орды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1991; Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994; Fedorov-Davydov G. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley: ZP, 2001.

странств для пастбищ и угодий в сотни и даже тысячи километров, закрепление пастбищных территорий и водопоев за теми или иными родами и племенами, определение маршрутов кочевий, разбор межродовых и межплеменных конфликтов и споров, улаживание взаимоотношений с местным и новым пришлым населением и т.д. Подобное качество города как центра регуляции особой кочевой экономики было не чуждо и народам Севера.

Не столь экзотичными, но все-таки обладавшими серьезной спецификой были древнерусские города⁴². Прежде всего первые столетия эти города существовали вне письменной культуры, и их первоначальная история фиксируется только археологическими источниками. Далее, торгово-ремесленная функция древнерусского города не была определяющей и первенствующей; он выступал прежде всего военно-политическим ядром достаточно большой сельской округи, позднее соотнесенной, как минимум, с *уездом* (позже даже сформировался принцип: «нет уезда без города»), был административно-хозяйственным центром, выделялся особой ролью в религиозно-идеологическом воздействии на окружающую периферию благодаря обязательному наличию церкви.

Соответственно и население города Древней Руси с самого начала составляли не торговцы и ремесленники, а военно-родовая знать окружающей территории, дружинная среда. Купцы и ремесленники появились в городской черте вслед за знатью, видя в ней возможного и реального потребителя товаров и услуг; русский город был агломерацией, где сосредотачивался, перераспределялся и перерабатывался прибавочный продукт, поступающий как в виде добровольных приношений, общественных взносов, так и в виде принудительной дани, военных контрибуций, фискальных сборов, судебных пошлин, земельной ренты и пр. Поэтому и богатство и процветание города в Древней Руси и России основывалось не на собственном производстве, а на обложении различными поборами хозяйственной деятельности окружающего земледельческого населения. Не знал русский город на протяжении почти всего Средневековья и каменной архитектуры, мощенных камнем улиц и площадей; для застройки и фортификации использовались дуб, сосна, кедр; для мостовых применялась осина. Собственно, сам термин «город» произведен от глагола «городить», т.е. огораживать деревянной оградой поселение.

С точки зрения внутренней структуры древнерусский город делился на две части: во-первых, кремль, занимавший центральное место, очень часто возвышенное и специально укрепленное, где находились двор князя, или воеводы, приказы с дьяками и подьячими, канцелярия, архив; там хранились казна и печать; там были съезжая изба, тюремный острог, площадь общегородских собраний; там же обязательно находился собор; во-вторых, *посад*, где расселялись ремесленники со своими мастерскими и лавками, а также торговцы; там же устраивались и рынки; посад также обносился укреплениями либо земляными в виде рва и вала, либо стенами.

Сибирский город был региональной разновидностью русского города. Его существование начинается, согласно сложившейся историографии⁴³, только со времени русской колонизации Сибири. Известны высказывания патриарха сибирской урбанистики Д.Я. Резуна о том, что «...урбанизация Сибири ...начинается с нуля», что Сибирь «до прихода русских не знала таких форм поселений, как города»⁴⁴.

⁴² Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.: АН СССР, 1959; Колчин Б.А. Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1988; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка, 1989.

⁴³ Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1982; *Он же*. Очерки истории изучения сибирского города, XVIII в. Новосибирск: Наука, 1991; *Он же*. Урбанизация и история Сибири конца XVI–XVIII в. // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол., филос. Новосибирск, 1983. Вып. 3; Вилков О.Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. Новосибирск, 1997.

⁴⁴ Резун Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI–XVIII в. // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол., филос. Новосибирск, 1983. Вып. 3. С. 44.

И город соответственно представляется как военно-административный и фискальный центр, проводивший политику русского государства по присоединению сибирских окраин, их объясачивания, т.е. сбора ясака с подвластного местного населения в фиксированной натуральной или денежной форме, и христианизации. Обязательными чертами такого города были воеводское управление, отряды стрельцов, служилых людей и казаков, канцелярское и судебное делопроизводство, церковь, кабак, каталажка, аманатская изба, где содержались заложники из числа местной родоплеменной знати.

Города Сибири отличались жестким, порой двойным соподчинением: уездные города подчинялись губернскому Тобольску и столице — Москве; воеводы назначались самим царем, действовали на основе царского указа или наказа, обладали полномочиями в течение короткого срока, как правило, в течение одного года, и, закончив исполнение обязанностей, несли ответственность перед царем.

Особенностью северного города, в отличие от традиционного русского, было, в первую очередь, отсутствие постоянного населения; все служилые люди набирались воеводой и с назначением преемника почти полностью сменялись. Другой особенностью северного урбанизма было отсутствие сколько-нибудь развитого ремесла и вообще производства.

Спецификой являлась также сезонная концентрация промысловых людей, промышлявших на скупке у аборигенов пушнины и извлекавших значительные прибыли из последующей ее перепродажи в городах Центральной России.

Наконец, города Севера отличались от обычных русских городов отсутствием земледельческой округи, пригодных для земледелия земель и, соответственно, отсутствием хоть какого-нибудь земледельческого населения, способного осуществлять продовольственное снабжение городского населения, зависевшего с самого начала от поставок продовольствия из южных районов Сибири — Тюмени, Тары, Тобольска, и способного обеспечивать непрерывность городского существования в ходе естественных миграций. Поэтому северные города могли легко прекратить свое существование, как это произошло, к примеру, с Мангазеей.

Разумеется, созданная усилиями сибиреведов концепция города вносит много нового в понимание процесса региональной урбанизации, однако она оставляет глубокие сомнения в том, что формы урбанизма утвердились в Сибири в результате русского военно-колониационного транзита.

Результаты археологических исследований последних лет на Севере Западной Сибири⁴⁵ показывают существование десятков урбанистических поселений дорусской эпохи. Это были поселения порой достаточно внушительные по площади, достигавшие десяти тысяч квадратных метров; они имели правильную регулярную планировку, кольцевую или линейную застройку, имели четко выраженный центр, занятый постройками вождя и его ближайшего окружения — свиты или даже двора; эти поселения имели древесно-земляные укрепления, были окружены рвами и валами в два-три ряда, а в отдельных случаях даже больше — до шести кольцевых укреплений; существенной была и высота фортификационных сооружений: валы достигали до шести метров высотой и бревенчатые стены — до трех метров высотой. Из таких городов наиболее известен Эмдер, воспетый в древних югорских песнях и преданиях.

Проблема дефиниции города неразрывно связана с проблемой его происхождения. И здесь также существует множество самых разнообразных теорий.

К.Ф. Эйхгорн⁴⁶ в свое время вывел средневековый город из наследия римской муниципальной системы. Другим важным градообразующим фактором он призна-

⁴⁵ Зыков А.П. Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989; Кардаш И. Надым-вош // Лукнич. Тюмень, 1998. Ч. 3; Иванов И. Лесные замки // Югра. Ханты-Мансийск, 2001. № 9.

⁴⁶ Eichhorn K.F. Über den Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. B., 1815–1816. Bd. 1–2.

вал христианскую церковь, поскольку церковь ранее, чем какие-либо иные институты, получила льготы и освобождения от налогов в освоении земель, их последующей застройке и использовании.

Позднее на основе эйхгорновой аргументации сложились теории континуитета и «монастырская»; согласно первой города никогда не возникали на пустом месте, но всегда складывались в пределах древних поселений, удачность выбора местности для которых подтверждалась временем; согласно второй фактором возникновения города была не просто церковь, а монастырь⁴⁷, отделявшийся от окружающего сельского населения стенами и воротами, и этот же монастырь становился убежищем для селян во время внешних вторжений (в качестве примеров приводились факты возникновения Мюнхена, Мюнстера, являвшихся первоначально общинами монахов укрепленного монастыря).

Э. Гауп⁴⁸, Г. фон Маурер⁴⁹, Г. фон Белов⁵⁰ объясняли возникновение города эволюцией сельской общины, усматривая источник городской самоорганизации в традиционных формах общинного быта, с присущими ему демократизмом, выборностью старост, общим судом.

Существовала «бурговая теория»⁵¹, согласно которой средневековые города вырастали из бургов, укрепленных поселений родоплеменной знати (такowymi оказывались, по сути, все города, названия которых оканчивались на «...бург», как, например, Фрайбург, Гамбург, Магдебург, Зальцбург и т.д.).

Близкий смысл имела «замковая теория»⁵², по которой города образовывались из замков, укрепленных резиденций местных князей, так возникли почти все города Фландрии и Северной Франции, скажем, Гент, Брюгге, Брюссель и т.д.

Получила обоснование «вотчинная теория»; город, по убеждению ее сторонников, возник на территории вотчины, еще точнее, на господской ее части, поблизости от усадьбы вотчинника; первоначально это был посад ремесленников, обслуживавших запросы господина, его семьи, служащих и слуг; в подтверждение приводились данные о многих городах, названия которых оканчивались на «...виль».

Р. Зом, С. Ричел⁵³ и многие другие особенно настойчиво развивали «рыночную теорию», по которой города возникли в местах стихийного рыночного обмена, на пересечении важных торговых путей, около водных переправ, речных бродов, у мостов, близ удобных естественных гаваней, где могли приставать корабли и разгружаться, и т.п.

А. Пиренн⁵⁴, продолжая обоснование этой теории, выдвинул идею о том, что не просто торговля стала главным движущим фактором возникновения и развития города, но преимущественно крупная, международная, морская торговля; международный обмен получил развитие в средневековой Европе с началом Первого крестового похода, не случайно тогда стали оформляться как самоуправляющиеся города-государства приморские поселения Генуя, Венеция, Анкона, Пиза, Марсель и др.

Есть суждения о том, что города возникли в зонах зарождения первых цивилизаций и распространились повсеместно в результате заимствований, транзита и колонизации. Наконец, высказывались мысли о врожденном инстинкте человека к ассо-

⁴⁷ Kaiser R. *Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter*. Bonn, 1981.

⁴⁸ Gaupp E.-Th. *Über deutsche Städtegründung, Städteverfassung und Weichbild im Mittelalter // Die Stadt des Mittelalters*. Darmstadt, 1975. Bd. 2.

⁴⁹ Maurer G.L., von. *Geschichte der Städteverfassung in Deutschland*. Erlangen, 1869–1873. Bd. 1–4.

⁵⁰ Белов Г., фон. *Городской строй и городская жизнь средневековой Германии*. М., 1912.

⁵¹ Schlesinger W. *Stadt und Burg im Lichte der Wortgeschichte // Studium generale*. Berlin, 1963. Bd. 16. H. 6.

⁵² Rigaudiere A. *Gouverner la ville au moyen age*. Paris, 1992.

⁵³ Rietschel S. *Markt und Stadt im ihrem rechtlichen Verhältnis // Die Stadt des Mittelalters*. Darmstadt, 1975. Bd. 2.

⁵⁴ Пиренн А. *Средневековые города Бельгии*. М., 1937.

циации, солидарности, совместной деятельности, что и стало определяющей причиной возникновения городских форм жизнеустройства.

Все эти теории подвергались серьезной критике за абсолютизацию какого-то одного фактора урбанизационного процесса. В противовес им стали развиваться многофакторные теории. Ф. Рери⁵⁵, Г. Планич⁵⁶, Э. Штайнбах⁵⁷, Э. Эннен⁵⁸ и др. выделяли факторы естественно-географические, демографические, политические, экономические, социальные в качестве обусловивших генезис города. Здесь имелись в виду и моменты выбора стратегически выгодного месторасположения будущего города на горе, возвышенности, высоком берегу, мысу; учитывались также процессы роста рождаемости, значительно возросшего прироста сельского населения, миграций других народов, обострение конфликтогенности, вызвавших потребность в создании укрепленных центральных поселений; бралась в расчет также тенденции усиления родоплеменной знати, формирования потестарной организации в лице вождей и князей, опирающихся на дружину, которые стали выступать основателями замков, крепостей, укрепленных городов; ну и, конечно же, не игнорировались изменения в социальных отношениях, когда однородная сельская община приобретала более сложную структуру, когда появлялись социальные группы купечества, ремесленников, чиновничества, воинов, священников, средоточием жизнедеятельности которых и становился город.

В то же время нельзя не признать множественности путей урбанизации, и рассмотренные теории репрезентировали лишь какой-то один из них. Это представление о многообразии урбанизационного процесса еще более усиливается при сопоставлении с опытом восточной и южноамериканской урбанистики.

Если же попытаться выделить некие общие глубинные факторы перехода к городским формам социальности, то придется указать не столько на прогрессивную эволюцию земледельческого хозяйства, констанция какой-то оказывается бессмысленной при описании кочевого и северного урбанизма, не столько на отделение ремесла от земледелия, сколько вообще на возникновение новых типов массовой хозяйственной деятельности, в частности, кочевого скотоводства или рыбного и охотничьего промысла, имеющего особое значение на Севере, на новые формы социальной организации, где наряду с кровнородственной связанностью появляется псевдородственная (вождеско-дружинная) связанность и господско-служилая соподчиненность; важным оказывалось и утверждение нового типа мирозерцания, доминантами которого были представления об упорядоченности пространства, иерархизированности его значимых для обитания человека мест, об авторитете и власти; город оказывался результатом сложной социокультурной метаморфозы, выражавшейся в разрыве с традиционными формами бытия, которые продолжали удерживаться в окружавшем его мире.

Возникновение города оказалось не одномоментным актом. Формированию города предшествовали порой достаточно длительные стадии предгородского (протогородского, догородского) существования. В современной западной урбанистике достаточно широко оперируют понятиями «урбанистический нуклеус», «урбанистическое ядро», «город-эмбрион», призванными описать это предгородское состояние. Нельзя сказать, что эти понятия оптимальны. Может быть, наиболее универсальным из них оказывается сам термин «предгород», позволяющий объединить самые различные формы протогородского и раннегородского существования, а именно: укреп-

⁵⁵ Rörig F. Die Stadt in der deutschen Geschichte // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1972. Bd. 1.

⁵⁶ Planitz H. Kaufmannsgilde und städtische Bidsenossenschaft in niederfränkischen Städten im 11. und 12. Jh. // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. Berlin, 1940. Abt. 60.

⁵⁷ Steinbach F. Stadtgemeinde und Landgemeinde // Rheinische Vierteljahrsblätter. Köln, 1950. № 13.

⁵⁸ Ennen E. Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1976.

ленный лагерь, крепость, замок, место ярмарочного и рыночного обмена, культовое святилище, религиозный центр и т.п. Предгород отличается от города проявлением, как правило, какой-то одной функции, будь то военная, экономическая, религиозная или какая-то иная.

Предгород мог возникнуть в отдаленном прошлом, в древности, мог развиваться то усиливаясь, то ослабевая, мог привести, а мог и не привести к оформлению в город. Критерием трансформации предшествующих предгородских поселений в собственно город является выявленная нами в предшествующих абзацах многофункциональность городского центра, т.е. сосредоточение в нем основных политических, правовых, экономических, социальных и культурных функций. Определяющим маркером городского статуса поселения (независимо от его топокультурной и этноконфессиональной природы) является допущение к властным полномочиям горожан или, по крайней мере, той их активной части, которая имела право ношения оружия, участия в собраниях и городском ополчении.

Город и предгород достаточно отчетливо различались и различаются в исторической терминологии. Поселения городского статуса на Западе, испытавшем влияние римской цивилизации, обозначались терминами *civitas*, *urbs*, *communitas*, *respublica*. В германском мире подобные поселения назывались *burg*. В славянских землях для их обозначения применялись термины *грод*, *град*, *город*. Предгородские поселения на Западе обозначались *castrum*, если речь шла об укреплённом поселении, крепости; *castellum*, если дело касалось укреплённого места какого-то территориального властителя; *emporium*, если это было место склада товаров, обмена; *locus*, если это поселение хоть как-то отграничивалось от окружающей местности; *colonia*, новое поселение в осваиваемых землях; *monasterium*, поселение культового характера. В славянском мире предгородские поселения назывались *посад*, *слобода*, *ям* и т.п.

Особый вопрос, не находивший до сих пор специального изучения, представляет урбанистическая терминология средневековой Сибири. Для западных авторов, писавших о Северной Азии, обычным было представление об отсутствии оседлых поселений у аборигенов. Франческо да Колло⁵⁹, дипломат императора Максимилиана I, пользовавшийся рассказами Утрина Базеровича об Югории и Обдории, писал в своем «Доношении о Московии» в 1519 г. о «Югорском княжестве» (*Ducato di Jugoria*), утверждая, что его земли заселены «людьми совершенно чуждыми всякой чистоты, человечности и обхождения ...не знают они употребления ни золота, ни какого иного металла; не имеют кровли, никакого жилища, кроме лесов и хижин из ветвей и листьев; не умеют ни пахать, ни сеять, не знают хлеба ...».

Джакомо Гастальди⁶⁰, автор «Новой карты Московии» (1548), упоминал «вогульскую орду» (*vaulgzani*), отождествляя ее с северными татарами, и отмечал, что «...[они] не имеют никакого обитания, кроме [того], что они возят на своих повозках, покрытых кожами» (пер. со средневеков. ит. наш. — А.Е.). В подтверждение этой мысли он помещал изображение в междуречье Оби и Иртыша шатров татарского типа.

Александр Гваньини⁶¹ (Александр Гваньини, 1997), итальянец, состоявший на службе польского короля Сигизмунда, также утверждал в своем «Описании Московии» середины XVI в., что в областях у Северного океана «...нет ни городов, ни крепостей, ни сел...».

Юрий Крижанич⁶², проживший в тобольской ссылке 15 лет, в 1680 г. сообщал в латиноязычном «*Relatio de Sibiria*» о городе Березове (*Bresovia*) в пределах крайнего «Северного климата», обозначая его термином *oppidum*, каким на Западе отмечались малые укрепленные города, небольшие крепостцы; поселения же абори-

⁵⁹ Франческо да Колло. Доношение о Московии. М.: Наследие, 1996.

⁶⁰ Giacomo Gastaldi. *Moschovia nuova tavola*. Roma, 1548.

⁶¹ Александр Гваньини. Описание Московии. М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 1997.

⁶² [Крижанич Ю.] Повествование о Сибири: лат. рук. XVII в. СПб., 1822.

генов он обозначал термином *villa*, т.е. селение, включая и те, которые были резиденциями «десятников, которых называют князьями» (*decanis quos knezios vocant*) (пер. с лат. наш. — А.Е.).

Милеску Спафарий⁶³, молдавский грек, состоявший на службе царя Алексея Михайловича, в 1675 г. посетивший Сибирь, знал Самаровский ям, видел остатки укрепления князя Самара на вершине горы. В латинском тексте он называл это укрепление *Samaris oppidum*, а в авторском славянском переводе «Самаровский городок».

В русских и сибирских летописях чаще всего употребляются термины «городки» для обозначения поселений местной знати, реже — термин «крепости». В частности, в «Кунгурском летописце» упомянута «Колпухова крепость», расположенная между Циньялами и резиденцией Самара. Циньялы отчетливо отождествляются с Цингалами, а «Колпухова крепость» — с Тунк-Пох-вож. В этом же летописце используется и термин «город» для обозначения центра Демьянского княжества; там, в частности, отмечается максимальная численность этого поселения, собравшего 2000 вооруженных татар, вогулов и остяков; отмечается высота и мощность фортификации, которую после трехдневного штурма не смогли одолеть казаки, вооруженные огнестрельным оружием. Не меньшим было и поселение князя Самара, под главенством которого собрались 8 князьцов⁶⁴.

Термин «город», а отнюдь не протогородская терминология, встречается порой в русских летописях и публичных актах в обозначении всей совокупности княжеских укрепленных резиденций Приобья. Так, в Патриаршей летописи, повествующей о походе московских воевод 1499 г., говорится о главном итоге похода — о взятии 33 обских «городов». Несколько позднее говорилось о 40 «городах». В грамоте 1587 г. провозглашалось о наложении ясака царем «на все города Обские, на девяносто на четыре города». Сверка с поселенческой номенклатурой «Книги Большого Чертежа» позволяет говорить о том, что в это число должен был входить и Самаровский городок.

В обско-угорских диалектах предгородские поселения обозначались терминами «курт», «пухал», «пугол», «павыл». Для обозначения города, отличавшегося крепостными укреплениями, вооруженными отрядами, княжеской резиденцией, наличием казны, меновых функций, близостью к святыням, применялись термины «ваш», «вач», «вож», «вош», «вос», «ус».

Трансформация предгорода в город была настолько значительным в сознании современников актом, что она неизбежно сакрализовалась и связывалась с именем великого реформатора, основателя города. Подобными примерами полна история образования всех сколько-нибудь значительных городов: Мемфис, грецизированное название которого скрывает имя основателя Минус; Селевкия, от имени основателя Селевка; многочисленные Александрии и Антиохии, основанные Александром Великим и Антиохом; Рим и Константинополь, распланированные соответственно Ромулом и Константином Великим; Теночтитлан, построенный Теночом; Киев, место строительства которого было определено славянским вождем Кием, и др.

В этом же ряду может стоять и югорский Самаров городок, имя основателя которого прочно запечатлелось в местной топонимии, в названии горы, протоки, впоследствии яма и села.

Однако локационная теория, связывающая начало городской жизни с именем того или иного великого основателя, вызывает в современной урбанистике вполне справедливую критику, ибо она скрывает длительный период предшествующего предгородского развития. Вместе с тем переименование поселения по имени великого

⁶³ Милеску Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1960.

⁶⁴ Летописи Сибирские / ред. Е.И. Дергачевой-Скол. Новосибирск, 1991.

преобразователя обозначает качественный рубеж в его развитии, превращение из предгородского центра в городской.

Не менее важен вопрос о принципах датировки возникновения таких центров, которые сохраняли имя своего основателя. При отсутствии публичных локационных актов и вообще надежных письменных свидетельств, современных моменту основания, остается обращаться к данным генеалогической памяти, запечатлевшимся в фольклоре, материалам исторической демографии соответствующей местности и времени, результатам археологического изучения конкретного района урбанизации.

SUMMARY

In article of professor Alexander Emanov is considered the problem of city's definition, attributes of urbanistic development, criteria of urbanisation, developments preurbanistic settlements in urbanistic complexes. The European city's model is compared to the non-european models of a urbanization peculiar to nomadic people, the East and the North.